

Контекстуальные понятия в культурной истории России

Введение

Что значит «контекстуальное понятие»? И почему оно непременно встроено в «культурную историю»? Эти вопросы занимали Андрея Витальевича Каравашкина, работавшего на стыках филологии и истории. Что греха таить: историки озабочены контекстом (в основном «политическим»), а филологи не видят реальности вне текста. И то и другое – крайности специализации, и только по-настоящему одаренные гуманитарии могут себе позволить не ограничиваться профессиональной спецификой, изучая реальность прошлого в междисциплинарном модусе.

Как никто другой, проф. Каравашкин был способен обобщать исследовательскую практику, находя в ней сильные и слабые стороны. К сильным он относил способность ученого видеть контекстуальное пространство, выраженное понятийной сферой современников, к слабым сторонам относил увлеченность метаязыковыми конструкциями.

Способ видеть Другого – это прежде всего реконструкция сферы смыслополагания. Казалось бы, с этим никто не спорит. Ан нет! Спорят, и еще как! В либеральной модели современной европейской науки закладывается внушаемая мысль о невозможности обойтись без мнения исследователя, когда речь идет о мнении Другого. Маленькая деталь, можно сказать даже «щель», но в нее проникает огромный по силе воздействия на окружающих монстр модернизации истории. Незаметно проникнув, он убеждает всех и вся, что только так и возможен диалог с «прошлым». Мнение исследователя вступает в диалог с мнением современника – вот необсуждаемый постулат, например, исторической антропологии, и не только. В этом диалоге остается неизменной установка, что без «предпосылок» никак не обойтись. Но тогда это трудно назвать «диалогом», ибо при встрече предпосылок исследователя и предпосылок современника мы принимаем за основу диалога *нашу* установку актуального сознания. Мы не можем открыть иную сферу объяснения с другой установкой и причинно-следственными связями, потому что для этого необходимо то, что на философском языке называется «воздержанием» от предваряющего суждения. Сторонники неявной модернизации в один голос утверждают – это немыслимо! Но почему? Человек обладает свободой воли, никто

ее забрать не может, и в силу этой власти над собой каждый из нас способен слушать и постигать Другого в причинной связности его монолога, не тратя силы на предваряющее суждение. Разве не так мы пытаемся понять друг друга, когда хотим понять? Встреча двух интерпретаций, не способных уступить, – причина непонимания, а встреча двух интерпретаций, желающих полной победы одной-единственной интерпретации, – начало войны, в том числе и мировой. Природа интерпретации преодолима в горизонте, когда «понимание» – *уже не второстепенная* функция интерпретации, а самостоятельная область познания со своими если не законами, то правилами...

Вот над этим много думал А.В. Каравашкин, обобщая опыт филологов, историков, лингвистов и создавая «историческую феноменологию».

Для него было очевидно, что «история» – это только «самосознание современников» и ничего более. Все, что вокруг этого, относится к языковой мастерской исследователя. Никто еще не говорил, что резец по камню такое же произведение искусства, как высеченная из камня модель красоты. Сколько бы мы ни увлекались методами анализа, это нужно не для демонстрации методов, а для того, чтобы открыть неизвестную нам заранее реальность сознания Другого, которая нередко поражает нас удивительными хитросплетениями неузнаваемой сразу логики.

Понятийная сфера – она же человеческая. В высокой степени подвижная сфера, порой трудноуловимая. В последние годы жизни А.В. Каравашкин занимался теоретическими аспектами такой новой категории для исторической науки, как «жизненный мир». Он давал самое простое и самое емкое, как мне кажется, определение того, чем для историка является «жизненный мир» прошлого – это «осмысленная повседневность». Парадокс, на который обратил внимание еще Эдмунд Гуссерль, состоит в том, что непосредственно *жизненный мир* нам не дан, как не дан нам, например, русский язык целиком, хотя мы на нем говорим, пишем. Непосредственно дана только *наша повседневность* в виде наших привычных интерпретаций. Конечно, можно возразить: зачем придумывать новый термин, если есть старый – просто «повседневность»? Но в теоретическом плане такое понятие оказывается малосодержательным – оно никуда не ведет, а лишь указывает на присутствие чего-то, что можно назвать «повседневностью». Между тем многоаспектная категория «жизненный мир» помогает понять, как устроена культурная история – как в ней в разные моменты ее существования происходит изменение не только «периферии» (что не удивительно), но и «ядра» – устойчивых, иногда многовековых, представлений людей о себе, о Боге, о жизни.

«Понятия» в культурной истории – устойчивая и изменчивая среда воспринимаемого в *собственной структуре*, динамика движения разных форм осознания обиходного и событийного. История в этом модусе – поле битвы меняющихся конвенций жизненного мира. Утверждать наличие вневременного в историческом понятии можно только покинув контекст жизненной ситуации. Это состояние – вне истории как подвижной среды бытования человеческих смыслов.

В настоящем номере авторы статей пытаются, каждый в меру сил и возможностей, найти свой ключ к «понятийной» истории через разнообразные коллизии в процессе реконструкции мотивов людей прошлого.

Д.И. Антонов, исследуя русские средневековые иконы, выявляет высокую вариативность общих сюжетов, которые каждый раз переосмысливаются как бы заново, сохраняя общую согласованность в употреблении знаковых символов. Свобода художника, как это ни удивительно, несколько не закрепощена общими рамками искусства – напротив: иконописец допускает широкое использование «мелких деталей», которые явно не были рассчитаны на массового потребителя. Мир повседневности Средневековья не чужд стихии индивидуального творчества – обыденное и событийное созданы друг для друга, чтобы, перерождаясь в свою противоположность, удерживать жизненный мир в состоянии, когда движение и статика сосуществуют в таинственном «золотом сечении».

Статья С. Гулина призвана обратить внимание на то, что «методы правового регулирования» сибирской (политической) ссылки нельзя характеризовать набором юридических норм царской России, – в самой жизненной ситуации ссыльных эти нормы перевоплощались в то, чего не было в законах о ссылке или было, но в измененном виде.

Контекстуальное понятие может существовать как социальная идеологема. Так, предметом статьи М.П. Одесского является история слова «реакция» применительно к Серебряному веку русской культуры. Принимая слова-понятия как само собой разумеющуюся данность, можно не заметить важные особенности общественного сознания людей в конкретной ситуации. Путь «остранения» позволяет исследователю увидеть скрытые коннотации. Одесский обращает внимание на то, что С.А. Венгеров, историк и левый публицист, анализируя специфику Серебряного века, сравнивал эту эпоху с той, которая ему предшествовала, и называл ее «реакцией Победоносцева». Венгеров предложил даже свою классификацию типов социальной реакции – что делает его работу весьма значимой в понимании того, как именно воспринималась «реакция» в определенных кругах образованного российского общества. У истори-

ческого понятия нет и не может быть абстрактного содержания (по типу «реакция вообще»), оно всегда есть плод живого контекстуального осознания себя.

Статья А.Б. Асташева раскрывает понятийную трансформацию формулы власти в годы Первой мировой войны – от «правительства доверия» до «правительства, ответственного перед народом». В этом переходе – вся история отношений власти и общества с точки зрения широких демократических институций страны. Но единство народа и власти в войне требовало таких перемен в экономике, которые вели ее эволюционно в сторону регулируемого народного хозяйства, вплоть до планового производства. Эта семантическая трансформация показывает, насколько сложным и запутанным был узел социально-экономических и политических предпосылок Февральской революции.

В статье А.Л. Юрганова изучается понятие «генеральная линия» в истории партии большевиков на протяжении 20-х гг. Впервые это понятие ввел в политический лексикон Н.И. Бухарин, выступая на Четырнадцатой партийной конференции (1925). Оно означало суть политики нэпа: надо бороться против двух уклонов. Против того, чтобы считать кулаков основной крестьянской силой в деревне, и против того, чтобы не замечать главную фигуру в деревне – середняка. Это понятие имело изначально дискуссионный смысл и никак не было связано с поздней семантикой единовластия Сталина. Это словосочетание использовали представители объединенной оппозиции для объяснения возможности многопартийной политической системы в СССР, и только в конце 1928 – начале 1929 г. оно стало отождествляться с мнением Центрального комитета партии и лично генерального секретаря, превращаясь постепенно в символ тоталитаризма.

В статье Я. Каневской и Д. Фельдмана исследуется термин «вредительство» в подвижном семантическом пространстве советской реальности, когда наступал переход от культа вождей к культу личности, когда на смену привычной партийной дискуссии приходило осознание того, что уклоняться теперь можно лишь вместе с «генеральной линией» партии. Эта подвижность контекстуального понятия, не имеющего своей ясно выраженной юридической нормы, – предмет исследования авторов, открывающих таким образом картину жизненного мира советских людей в динамическом процессе сталинизма.

Завершает выпуск сборника статья П. Спиваковского, в которой анализируется то, как Иосиф Бродский и Ольга Седакова изображают посмертное существование человека. В поэтическом мире нет строгих аналитических суждений, нет «результатов» исследований, нет ничего, кроме мистического проникновения

в тайны, которые открываются в медитациях. Как сказано в романе «Доктор Живаго», искусство всегда занимается двумя вещами – «оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь». В поэтическом творчестве нет ничего, что было бы выше, чем эта неразлучная пара вечно волнующих слов-понятий. По мнению Спиваковского, Бродский концентрируется на агностическом эффекте небытия (агностицизм не отрицает продолжение жизни), Седакова же, тяготеющая к христианской картине мира, говорит о «невероятном счастье» трагического (и порой страдательного) перехода к жизни вечной. В этих понятийных координатах осуществляет себя поэтический мир нашей современности.

В настоящем сборнике собраны статьи историков, филологов, культурологов. Они показывают возможности междисциплинарного взаимодействия гуманитариев. Эту традицию следует продолжать, развивать, не забывая того, как много было сделано ушедшими от нас в мир иной выдающимися учеными-гуманитариями, к числу которых, вне всякого сомнения, можно отнести и Андрея Витальевича Каравашкина.

А.Л. Юрганов